

Сергей ПЛОХИЙ

КАЗАЦКИЙ МИФ

ИСТОРИЯ
И НАЦИОГЕНЕЗ
В ЭПОХУ
ИМПЕРИЙ

Харьков
«ФОЛИО»
2017

Введение

Солнечным утром 31 марта 1814 года¹ парижане стали свидетелями события, подобного которому город не видел добрых четыре столетия. Вступив через ворота Пантен, улицы и площади французской столицы заполнили вооруженные чужеземцы. Перед шокированными, изумленными и порой просто замороженными необычным зрелищем парижанами маршировала многонациональная армия.

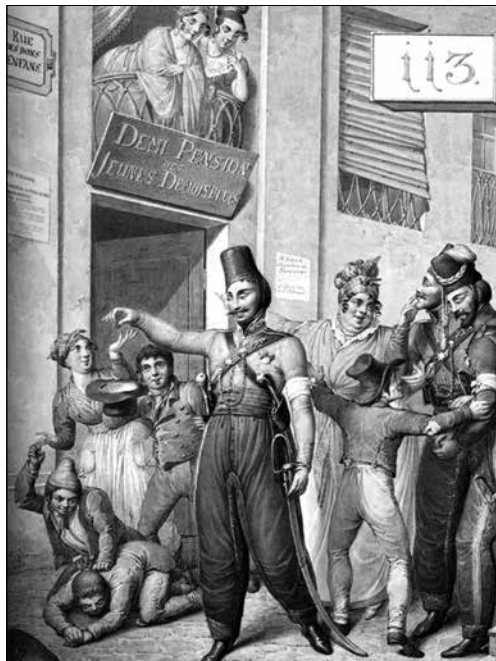

Неизвестный художник. «Русская армия вступает в Париж 31 марта 1814 года»

¹ Все даты до 31 января 1918 года приведены по юлианскому календарю, который в XIX столетии отставал от григорианского на 12 дней. Цитаты из исторических источников и литературы, в том числе из «Истории русов», приводятся в современном правописании с сохранением идентичности текста. (Прим. автора).

Некоторые ее отряды носили экзотические, прежде невиданные в Западной Европе мундиры. Впереди тысячного отряда, состоявшего из российских, немецких и австрийских воинов, на сером коне гарцевал Александр I — российский император, освободитель Европы и завоеватель Франции. За Александром следовала его казацкая охрана, объект любопытства и восхищения одних парижан, хлопот и тревоги — других.

По правую руку от Александра ехал прусский король, по левую — представитель австрийского императора. Внезапно Александр остановился и по-французски обратился к удивленной толпе: «Я здесь не как враг: я пришел, чтобы принести вам мир и торговлю!» Парижане встретили эти слова радостными криками. То был миг триумфа русского оружия и русского духа — ни до, ни после ничего подобного история не знала. Иосиф Сталин, встречаясь в Потсдаме по окончании Второй мировой войны с Гарри Трумэном, вспоминал о том, как Александр вступил в Париж. Тогда, в 1945 году, как и в 1814-м, казалось, что начинается новая эпоха: Россия падала в пропасть, но сумела подняться, разбила агрессора и принесла народам Европы освобождение, а всему человечеству — мир и процветание. Проблема заключалась в том, что в обоих случаях Россия предлагала товар, которого не доставало ей самой. И в Российской империи, и в Советском Союзе свобода всегда была в дефиците, а победа за рубежом сеяла зерна грядущего поражения дома¹.

Г. Э. Опиц. «Русские казаки в Париже в 1814 году»

В этой книге речь пойдет о том, как прорастало одно из таких зерен — идея суверенитета и свободы народов. Эта идея медленно, но неуклонно утверждалась на протяжении всего XIX столетия и в ходе Первой мировой войны фактически разрушила изнутри Российскую империю.

Из всех частей армии Александра I именно казаки оказались в наибольшей степени причастными к ослаблению империи. Этих воинов в цветастых мундирах набирали на степном пограничье Российской им-

¹ Hartley, Janet M. *Alexander I*. — London and New York, 1994. — P. 124; Troyat, Henri. *Alexander of Russia: Napoleon's Conqueror*. — New York, 2003. — P. 187—206; Kissinger, Henry. *Diplomacy*. — New York, 1994. — P. 398. О вторжении Наполеона в Российскую империю и европейской компании российской армии 1813—1814 гг. см: Lieven, Dominic. *Russia against Napoleon: The True Story of the Campaigns of War and Peace*. — New York, 2010.

перии. Среди русской конницы и пехоты были и казаки из Украины (тогда она официально именовалась Малороссией), горевшие особым желанием воевать и возлагавшие на эту войну большие надежды. Всего несколько десятилетий назад у них существовало автономное государство и собственные вооруженные силы. Теперь казаки доказали свою лояльность империи и ждали заслуженной награды. Они не надеялись на восстановление своей государственности, но верили, что их полки будут сохранены, а рядовые казаки, пошедшие на имперскую службу, будут освобождены от крестьянских повинностей. Именно это обещало им Российское правительство в 1812 году, когда казаки понадобились ему для войны с французами. После победы эти обещания были забыты.

К 1816 году казацкие отряды в Украине были расформированы, а дворянский статус многих потомков казацкой старшины снова оказался под сомнением. Казаки — покорители Парижа — были победителями за границей, но дома потерпели поражение. Для украинских казаков такой ход событий был болезненным, но узнаваемым: их прежние властители, польские короли, столетиями использовали казаков в качестве «пушечного мяса», привлекали на государственную службу в трудные времена, а впоследствии забывали свои обещания и посулы. В XVI—XVII столетиях казаки реагировали на это одним и тем же образом: поднимали бунт и начинали кровавые восстания, уносившие десятки тысяч жизней, расшатывавшие основы польской державы. В результате этих конфликтов значительная часть украинского казачества оказалась под властью российских царей, которые были достаточно дальновидны, чтобы предложить казакам автономию, которую те не имели или не сумели сохранить при польских королях¹.

Именно восстанием под руководством Богдана Хмельницкого в 1648 году начался продолжительный период войн, который открыл путь к разделу Речи Посполитой в конце XVIII века.

Теперь, уже в составе Российской империи, казацкая автономия ушла в прошлое. Полки были расформированы, дворянский статус старшинских семей поставлен под сомнение, власть посягнула на традиционные сословные привилегии, но ослабленное казачество уже не могло ответить на эти притеснения обычным способом — восстанием. Вместо этого оно предприняло некоторые нетрадиционные шаги, которые империя поначалу большей частью игнорировала. Через несколько лет после окончания наполеоновских войн в кругах недовольной украинской элиты начала ходить по рукам загадочная рукопись — исторический очерк под названием «История русов». Причем «русами» именовались в ней украинские казаки. Из текста следовало, что казаки — это отдельный от русских народ. Нарративная манера

¹ См. общие обзоры украинской истории: *Субтельний, Орест*. Україна: історія. — К.: Либідь, 1993; *Магочій, Павло Роберт*. Історія України. — К.: Критика, 2007; *Яковенко, Наталя*. Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України. — К.: Критика, 2009.

«Истории русов» неплохо соответствовала надеждам и ожиданиям эпохи романтизма: там были герои и злодеи, захватывающие описания битв, побед и поражений, ужасающие свидетельства о страшных казнях. Русы с честью выходили из самых суровых испытаний. Они сбросили польское ярмо и добровольно присоединились к Российской империи, ведь с московским царем и народом их связывали общая религия и этническое родство. Однако новая власть обманула смелых, но наивных казаков и захватила их старинное название «Русь». Автор очерка подчеркивал, что его цель — вернуть героическому казацкому народу заслуженное признание. Однако добился он гораздо большего¹.

Почти четверть столетия этот текст существовал только в виде рукописей — его активно переписывали потомки казацкой старшины. Он стал одним из наиболее влиятельных, а с точки зрения Российской империи, пожалуй, самым деструктивным текстом Нового времени. И первым российским интеллектуалом, на которого повлияла магия «Истории русов», оказался Кондратий Рылеев, ветеран наполеоновских войн и один из наиболее выдающихся поэтов своего времени. Эта рукопись вдохновила его на создание одной из самых страстных поэм, созданных в русле освободительного движения XIX века, — «Наливайко», героем которой стал предводитель казацкого восстания конца XVI столетия. Эта поэма сподвигла тысячи молодых россиян на неравную борьбу с правительством. Следующим поэтом, подпавшим под обаяние «Истории русов», оказался Александр Пушкин, который одним из первых опубликовал отрывок из этого произведения. «Литературную компанию» Пушкину составил Николай Гоголь, еще один гений той эпохи: на «Историю русов» опираются некоторые эпизоды его повести «Тарас Бульба». Но вопреки своему глубокому украинскому патриотизму, Гоголь, как и Пушкин, видел в «Истории русов» проявление российского национального духа. Но младшее поколение украинских интеллектуалов, духовным лидером которых был Тарас Шевченко, восприняло эту казацкую хронику как историю национального освобождения. «История русов», интерпретированная таким образом, стала библией украинского национального движения — она вдохновляла тысячи украинских патриотов на борьбу за свободу своей Родины.

В 1918 году, приняв титул «гетмана», во главе украинского государства встал Павел Скоропадский, потомок одного из гетманов начала XVIII столетия. Новая независимая Украина не устояла под натиском Польши и России, и те разделили между собой украинские земли, но казацкая мифология благополучно

Современная украинская нация, сформировавшаяся на руинах Российской империи в ходе революции 1917 года, использовала казацкий миф, воплотившийся в «Истории русов», для легитимизации своей государственности.

¹ Історія Русовъ или Малой Россіи. Сочиненіе Георгія Конискаго, Архієпископа Бѣлорускаго. — М., 1846.

пережила эти трудные времена. В 1991 году Украина вновь вернулась на политическую карту Европы — новое государство привели к независимости активисты, на которых оказала глубокое влияние «История русов». Иван Драч, один из лидеров «Руха» — наиболее влиятельной национально ориентированной политической инициативы конца 80-х — начала 90-х годов, как раз накануне обретения Украиной независимости взялся переводить «Историю русов» на современный украинский язык. Референдум 1 декабря 1991 года стал смертным приговором Российской империи в ее новейшей, советской инкарнации. И мало какое историческое произведение сыграло такую видную роль в длительном процессе дезинтеграции империи, как «История русов»¹.

Эта книга рассказывает о том, как история казачества — социального слоя и автономного государства — превратилась в творящий нацию миф, который помог расколоть российскую имперскую идентичность и лег в основу современной украинской нации. Эта тема раскрыта путем анализа происхождения и функционирования в общественном и политическом контекстах «Истории русов».

Историки до сих пор не пришли к согласию в отношении основных фактов, связанных с «Историей русов» и, в частности, по поводу авторства этого текста. В предисловии к «Истории русов» говорится, что создавалась она в течение длительного времени несколькими поколениями православных монахов. Затем в 60-х годах XVIII века текст был отредактирован моголевским архиепископом Георгием Конисским. В наши дни исследователи единодушно отвергают эту версию. Подобно песням Оссиана в Британии, Краледворской рукописи в Чехии или «Слову о полку Игореве» в России, «История русов» возникла в эпоху подделок, когда предприимчивые интеллектуалы активно изготавливали многочисленные подобные свидетельства о происхождении своих народов, и чем древнее они казались, тем лучше. Шотландцы и чехи знают имена своих мифотворцев и чтят память Джеймса Макферсона и Вацлава Ганки. Тем временем украинцы и россияне все еще спорят о своих интеллектуальных пращурах. Мысль о том, что «Слово о полку Игореве» — это виртуозная подделка, давным-давно утвердилась на Западе, но вызывает бурное возмущение в России, а порой и в Украине. Загадка «Истории русов» имеет иную природу. Почти никто из серьезных исследователей не верит в то, что она создана монахами вкупе с архиепископом Конисским. Но и через двести лет после появления этого загадочного произведения историкам, литературоведам и лингвистам не дает покоя вопрос: где и когда оно написано, кто его истинный автор и что именно он хотел сказать своим произведением.

Выясняя происхождение «Истории русов», я использую понятие «автор» в самом широком смысле, допуская, что, возможно, произведение имело несколько авторов и редакторов. В соответствии с историографиче-

¹ О влиянии «Истории русов» на развитие украинской национальной идентичности см. части 1—3 этой книги.

ской традицией я именую этого человека или группу людей местоимением «он». Это, однако, не означает, что я априори исключаю женщин из числа возможных авторов. Речь лишь о том, что нам не известны исторические труды, созданные женщиной или коллективом женщин в конце XVIII — начале XIX столетий. Поиск автора «Истории русов» — главная сюжетная линия этой книги. Я прослеживаю, как каждое новое поколение исследователей «Истории русов» перетолковывало ее текст в соответствии со своими потребностями, проблемами и моделями изменчивой социальной и национальной идентичности. Таким образом, поиск автора «Истории русов» превращается в историю становления современной украинской и российской идентичностей.

Два дополнительных мотива — история украинского казачества с начала XVI до начала XIX столетий, а также история открытия, публикации и исследований самой «Истории русов» — иллюстрируют связь между историей, мифом и формированием нации с наполеоновских времен до наших дней.

В книге использованы ранее не известные архивные источники, но мои основные выводы опираются на текстологический анализ «Истории русов», ее источников, прототипов и текстов-конкурентов. Я стремился к тому, чтобы мое исследование было доступно са-

мому широкому кругу читателей, а не только специалистам-текстологам, поэтому и придал ему форму отдельных очерков об ученых и потенциальных авторах «Истории русов».

Главная моя задача лежала вне области поисков конкретного автора «Истории русов». Я стремился, прежде всего, выяснить истоки текста, который буквально гипнотизировал целые поколения исследователей. Я рассматриваю «Историю русов» в ее оригинальном политическом, идеологическом и культурном контексте, что позволяет очертить время ее создания и круг причастных к этому людей. По моему мнению, «История русов» не была сознательным манифестом российско-украинского единства или раннего украинского национализма (именно такие противоречивые интерпретации предлагает современная наука), а попыткой потомков казацкой старшины выторговать для себя наиболее выгодные условия вхождения в состав империи. Поскольку имперские власти сомневались в дворянском статусе казацкой старшины и ликвидировали остатки особой военной организации — казачества, украинская шляхта стремилась популяризировать свои исторические достижения и доказать, что потомки казацкой старшины равны российским дворянам. Парадокс, который я подчеркиваю в своих выводах, заключался в том, что в борьбе за статус имперской элиты творцы казацкого мифа заложили фундамент для становления новой украинской нации, а это вело к расшатыванию общероссийской идентичности и в конце концов завершилось крахом империи.

Одним из наиболее интересных аспектов работы над этой книгой стали интерпретации текстологических наблюдений и своего рода детективные поиски в контексте истории национальных мифологий. Как подчеркивал Пол Коэн в своей новаторской работе о Боксерском восстании в Китае и его историческом образе, деконструкция мифологизированного прошлого «редко проходит безболезненно: она приводит к утратам, часто необратимым, подобным тем, какие причиняет смерть, она бывает крайне жестокой и поэтому вызывает решительное сопротивление». Однако подобная деконструкция — чрезвычайно важная задача истории как академической дисциплины. Не менее важным является исследование процесса мифотворчества. В этом плане история создания, распространения и рецепции «Истории русов» — идеальный объект исследования, поскольку она является ключевым текстом в процессе превращения казачества из живого опыта в исторический и национальный миф. Не имеет значения, насколько идеализированно, неточно и даже фантастично выглядит казацкая история в этом тексте, — для нескольких поколений читателей он стал воплощением «настоящего» прошлого. По словам Коэна, «как только образы прошлого утверждаются в головах (и сердцах) людей, они обретают собственную правду, даже если эта правда не совпадает с тем, что в действительности было в прошлом. Такие образы несут правду как минимум о том, во что люди *верят*, и, следовательно, должны занимать ведущее место в любой истории человеческого сознания»¹.

Украинская элита начала XIX столетия пыталась показать, что казаки стоят выше российских дворян, поскольку происходят от русских племен — родоначальников российского государства и династии.

Что касается термина «миф», я придерживаюсь определения, предложенного Джорджем Шепfliном, исследователем восточноевропейской политики и соредктором сборника статей «Мифы и нация»: «Миф — это один из инструментов, с помощью которых коллектив, в частности, нация, устанавливает и определяет принципы собственного бытия, свою систему морали и ценностей. В этом смысле миф является набором убеждений, как правило, оформленных в нарратив, который сообщество исповедует о себе». По мнению Шепfliна, — а он в этом случае следует за многими другими учеными, использующими антропологический подход при исследовании мифов, — «главное значение имеет содержание мифа, а не его историческая достоверность». «История русов» соответствует двум из девяти типов национальных мифологий, описанных этим исследователем: мифу о воинской доблести и мифу об этногенезе. Сосредоточиваясь на подвигах казачества, «История русов» предлагала будущей украинской нации и версию происхождения — происхождения не социального слоя или политического

¹ *Cohen, Paul A. History in Three Keys: The Boxers as Event, Experience and Myth. — New York, 1997. — P. 211—212.*

образования, а этнической группы «коренных» русов. По моему убеждению, именно этим «История русов» помогла заменить миф об общероссийском единстве мифом об украинской исторической и культурной уникальности. Она также превратила казацкий миф в краеугольный камень современной украинской исторической идентичности¹.

Отправной точкой в анализе «Истории русов» как воплощения и выражения казацкой мифологии стали для меня работы Джона Армстронга о роли казацкого мифа в украинском нациогенезе. Согласно его определению, миф — это «интегральный феномен, посредством которого символы национальной идентичности приобретают последовательный смысл». Для моих взглядов на роль казацкой мифологии в формировании украинской национальной идентичности также оказалось важным следующее наблюдение Энтони Смита: «Мифы, воспоминания, символы и ценности нередко могут адаптироваться к новым обстоятельствам посредством наполнения новыми смыслами и новыми функциями». Эти широкие дефиниции и общие положения об исторических мифах неплохо послужили мне в прошлом, когда я исследовал эволюцию древних восточнославянских идентичностей и писал об использовании казацкой истории и злоупотреблении ею в постсоветской ситуации. Они стали также надежной теоретической основой и для этого исследования, но в ходе работы я неожиданно для себя обнаружил, что больше не могу полагаться только на традиционную литературу о нациях и национализме — произведения Бенедикта Андерсона, Мирослава Гроха, Эрнеста Гелнера и Эрика Гобсбаума².

Начиная работу над этой книгой, я надеялся, что следы анонимного автора «Истории русов» приведут меня к группе мечтательных, далеких от реальной политики интеллектуалов, главных действующих лиц стадии «собирания наследия», согласно схеме нациогенеза Мирослава Гроха. Но материал увлек меня в совсем другом направлении. Среди людей, которые могли оказаться причастными к созданию «Истории русов» и уж точно читали и рас-

¹ Schopflin, George. The Functions of Myth and a Taxonomy of Myths // Myths and Nationhood / Ed. Geoffrey Hosking and George Schopflin. — London, 1997. — P. 19—35. О формировании украинской национальной мифологии см.: Wilson, Andrew. Myths of National History in Belarus and Ukraine // *Ibid.* — P. 182—197.

² Armstrong, John A. Myth and History in the Evolution of Ukrainian Consciousness // Ukraine and Russia in Their Historical Encounter / Ed. Peter J. Potichnyj et al. — Edmonton, 1992. — P. 133; Smith, Anthony D. The Ethnic Origins of Nations. — Oxford and New York, 1986. — P. 3. Ср.: Plokhy, Serhii. Ukraine and Russia: Representations of the Past. — Toronto, 2008. — P. 168; Plokhy S. The Origins of the Slavic Nations: Premodern Identities in Russia, Ukraine and Belarus. — Cambridge, 2006. — P. 4. Господствующие «модернистские» подходы в исследовании национализма см. в работах: Андерсон, Бенедикт. Уявлені спільноти. Міркування щодо походження й поширення націоналізму / Пер. з англ. В. Морозова. — К.: Критика, 2001; Hroch, Miroslav. Social Preconditions of National Revival in Europe. — New York, 2000; Гелнер, Ернест. Нації та націоналізм; Націоналізм / Пер. з англ. Г. Касьянова. — К.: Таксон, 2003; Hobsbawm E. Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality. — Cambridge, 1992; Винайдення традиції / За ред. Ерика Гобсбаума і Теренса Рейнджера; пер. з англ. М. Климчука. — К.: Ніка-Центр, 2010. — 2-е вид.